

2207 ГОСТИ САМСОНА ВЫРИНА

«Редкого зрителя не знаю я в лицо».

А. С. Пушкин.

Да, путешествовал Александр Сергеевич в своей жизни немало: тридцать четыре тысячи километров на перекладных оставил он за спиной, а в местах, где располагается ныне первый в стране музей литературных героев, бывал, по подсчетам пушкинистов, не менее тринадцати раз.

Почтовая станция Выра была тогда третьей станцией от столицы на дороге из Санкт-Петербурга в западные губернии России. Ныне Псковский почтовый тракт называется Киевским шоссе, а одноименная деревушка Выра «числится» за Гатчинским районом Ленинградской области.

Здесь покидавшие Северную Пальмиру путешественники в третий раз меняли лошадей. Из головы уходили наконец-то мысли о делах, оставленных в растаявшем позади городе, думы приобретали дорожный оттенок, пора было в последний раз внимательно оглядеться вокруг, запечатлеть в памяти остатки прежней, петербургской жизни — ближайшие ее окрестности: розовые домики почтовой станции, всегда открытые ворота, чернобелый верстовой столб...

А с той стороны, куда лежит дорога, уже слышны колокольчики тройки, рвущейся в столицу. И виден нетерпеливый седок, выглядывающий из кибитки: нет ли на дворе случайно кого-нибудь из прежних городских знакомых? И — кстати — есть ли у Вырина свежие лошади?

На них надеялся, конечно, каждый проезжающий. Однако вряд ли кто знал станционного зрителя по фамилии. И не только потому, что, как мы помним, Самсона Вырина в действительности не существовало, а был он придуман Александром Сергеевичем Пушкиным. Поэт дал своему герою фамилию, производную от названия почтовой станции.

Скорее запрягай, зритель, скорее! Ведь так близка уже желанная столица, нетерпеливым весельем охвачена душа. Но почтовая станция

совсем не похожа на гостиницу «Англетер». Два одноэтажных строения. Более или менее целым от тех времен сохранился лишь один — северный домик. Второй такой же восстановлен буквально по кирпичикам. И, сейчас, когда сия «смирненная, но опрятная» обитель стала музеем, там все, как было тогда: сени, «чистая половина для проезжающих», «ямщицкая половина», «зрительская».

Вот отсюда, из зрительской, из-за розовой занавески и выглядывала легендарная дочь Дуныша... На чистой — жилой половине, восстановленной по повести и архивным документам, — лубочные картинки с историей блудного сына, «горшки с бальзаминном», «кровать с пестрой занавескою», подлинные вещи проезжающих.

Стол на этой половине постоянно накрыт к чаю: на чистой скатерти — тульский самовар, хлеб, соль, баранки, яйца, молоко. На ямщицкой же половине по стенам развешена какая положено сбруя: хомуты, дуги, валдайские колокольчики, бубенцы. Тут же ямщицкая одежда: армяки, полушубки, шапки, лапти. На столе — глиняная и деревянная посуда, походный кисет из бересты, у входа — медный умывальник, деревянные фонари, с которыми ночью входили к лошадям.

Лошадям на станции полагалось иметь «по штатному расписанию» пятьдесят пять голов, а из них — непременно пять курьерских троек.

И ныне из станционной конюшни доносится конское ржание. Кажется, только что обитатели ее неожиданно выбежали куда-то. Может быть, провозать добрейшего гусарского ротмистра Минского?

Помните, как это описано в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина, изданных А. П.»?

«Гусару подали кибитку. Он простился со зрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дунею, и вызвался довести ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении. «Что же ты

боишься? — сказал ей отец, — ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест, прокатись-ка до церкви». Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок, ямщик свистнул, и лошади поехали».

Когда Самсон Вырин украсил свое жилище картинками из жизни блудного сына, он, конечно, не предполагал, что будет жестоко обижен одним из тех, кому он с таким искренним усердием предоставил стол и кров.

И ведь что придумал ротмистр: рассмотрев получше Дуню, сразу расхотел ехать, а чтобы остаться, немедленно придумал себе болезнь. А ведь как горопился, сначала как ругал зрителя за отсутствие свежих лошадей для своей кибитки!

Только Дуня по обыкновению и смогла унять гнев гусара. Уняла гнев и породила любовь. Любовь, которая горем обернула всю последующую жизнь Самсона Вырина. «Уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитя, уж ей ли не было житье?», — терзался потом обманутый отец. Видимо, старый зритель, кроме всего прочего, уповал еще и на объявление, по сию пору приклеенное в сенях хлебным мякишем: «Желающий ехать на почтовых лошадях должен испросить на месте своего пребывания подорожную, без подорожной же никто не может получить почтовых лошадей». И дальше, отдельной строкой: «Путешествующим строго запрещается чинить станционным зрителем притеснения и оскорбления или почтарям побию».

Кто знает, не оно ли, виденное где-то во время путешествий, а быть может, и здесь, на почтовой станции Выра, натолкнуло, высекло искру вдохновенного внимания Пушкина к зрительской исповеди? Вот, кстати, и его подорожная — на маленьком столике рядом с гусиным пером: «...показатель сего ведомства... отправлен по надобностям службы к главному попечителю колонистов Южного края России... почему для свободного проезда сей паш-

порт... дан ему в Санкт-Петербурге мая 5 дня 1820 года».

Вот и занавеска, из-за которой выглядывала безукоризненная Дуня. Ленинградские истории и Александр Александрович Семочкин — архитектор колхоза имени Ленина, на чьей земле находится станция, очень скрупулезно подошли к воссозданию обстановки тех времен. Так и тут, в Дуниной светелке: комод, зеркала, вазанье.

«Все как было, и — все не так»: на стене висит портрет самой Дуни. А ведь отец ее после бегства дочери и слышать о ней ничего не желал! Да и для нас, посетитель музей, Дуня как бы уехала, а мы ходим по станции уже без нее. И вдруг — встреча! Сюрприз, приготовленный всем нам работниками музея: работа ленинградской художницы Надежды Берлович напоминает нам о прекрасном облике хозяйки «комнаты за перегородкой».

...И поныне Выру можно покинуть на доброй тройке. Отсюда лихой ямщик «на облучке, в тулупе, в красном кушаке» промчит вас, «бразды пушистые взрывая», в общей сложности восемнадцать километров. Зимой — в санях, летом — в настоящих почтовых каретах — до соседней деревни Кобрино, где родилась и выросла няня Пушкина — Арина Родионовна, затем в Суйду, бывшее имение Ганнибалов, потом в старинное село Батово, на родину декабриста Рылеева и обратно, на станцию, где уже ждет экскурсантов рейсовый автобус.

Домой, в двадцатый век, мы увозим с собой привет из пушкинских времен: сувенирную открытку, почтовая марка на которой погашена штемпелем 1792 года. В центре круглой печати — подкова и ямщицкий рог, а по окружности — надпись: «Почтовая станция Выра».

На дворе почтовой станции, вымощенном «той самой» брусчаткой с помощью наших современников, давно пробил себе дорогу древний родничок. И теперь в старинном колодце с водопоем действительно можно поить лошадей.

Петр НОВИКОВ.